

Сухомлинов Михаил Иванович

**О сочинениях Кирилла
Туровского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Иванович С.**
О сочинениях Кирилла Туровского / Сухомлинов Михаил Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 72 с.

ISBN 978-5-519-75987-8

ISBN 978-5-519-75987-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О СОЧИНЕНІЯХЪ КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО.

Въ исторіи древней русской словесности XII столѣтіе было временемъ счастливымъ въ сравненіи съ вѣками послѣдующими: въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи русской старины. Къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской литературы XII вѣка принадлежатъ произведенія Кирилла Туровскаго. Они представляютъ интересъ для исторіи словесности какъ по древности своей, такъ и потому, что опредѣлительно знакомятъ съ характеромъ древней нашей образованности, и способствуютъ наиболѣе подробному рѣшенію вопроса о древнѣйшемъ и продолжительнѣйшемъ иностранномъ вліяніи на нашу словесность.

Значеніе сочиненій Кирилла Туровскаго сознавалось и въ древній и въ новый періодъ русской литературы, хотя это сознаніе — само собою разумѣется — выражалось различно.

Въ древній періодъ произведенія Кирилла Туровскаго были явленіемъ болѣе или менѣе живымъ, удовлетворявшимъ до нѣкоторой степени требованіямъ тогдашнихъ читателей. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они читались и переписывались довольно усердно, что доказывается множествомъ списковъ. Распредѣленіе ихъ въ сборникахъ и обращеніе въ началѣ нѣкоторыхъ словъ показываютъ, что они читались въ извѣстные дни всенародно. По введеніи книгопечатанія они не замедлили явиться въ печати. Уваженіе къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго обнаруживается изъ того, что даже въ

XVII вѣкѣ они служили образцами для русскихъ книжниковъ вмѣстѣ съ сочиненіями лучшихъ византійскихъ писателей.

Въ новый періодъ изслѣдователи русской исторіи и литературы постоянно обращаются къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго при описаніи русскаго быта въ древности. Историки признають ихъ весьма важнымъ матеріаломъ для изображенія внутренней жизни Россіи XII вѣка. Ученые, обращавшіе вниманіе на литературное значеніе Кирилла Туровскаго, согласны въ томъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, и что безъ основательнаго знакомства съ его произведеніями нельзя составить вѣрнаго понятія о русской литературѣ XII вѣка.

Степень убѣдительности выводовъ о литературномъ значеніи Кирилла Туровскаго всего вѣрнѣе можетъ опредѣляться посредствомъ сравненія сочиненій его съ произведеніями, служившими для него источниками. Рѣдкій писатель бываетъ въ разладѣ съ духомъ вѣка, съ общимъ направленіемъ литературы, и въ этомъ-то направленіи должно искать данныхъ для характеристики писателя. Чтобы не преувеличить дѣла незаслуженными похвалами, и, съ другой стороны, чтобы не допустить рѣзкаго и несправедливаго осужденія, необходимо имѣть въ виду отношеніе памятника не къ современной намъ литературной теоріи, а къ явленіямъ, ближайшимъ къ нему и по времени и по духу.

Сознавая важность историческаго изученія писателей, представляемъ вѣсколько данныхъ, опредѣляющихъ отношенія Кирилла Туровскаго къ его источникамъ и образцамъ.

Въ древній періодъ, до XVI—XVII в., словесность наша подвержена была двумъ вліяніямъ, библейскому и византійскому. Библейское вліяніе, проникая во всѣ литературы христіанскихъ народовъ, является въ полномъ блескѣ и въ литературѣ византійской въ періодъ ея, обнимающій IV-е столѣтіе. Но у послѣдующихъ писателей обнаружилось иное направленіе, которое хотя и напоминало библейское вліяніе — многочисленными цитатами изъ библіи, но въ сущности все болѣе и болѣе уклонялось отъ него. Византійская литература, постоянно и въ сильной степени подвергаясь библейскому вліянію, до такой степени видоизмѣнила его, что трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ разграничить элементъ библейскій собственно и элементъ библейско-византійскій, проникшій въ русскую письменность съ первыхъ

можно сказать, дней ея существованія. Тѣмъ не менѣе существенныя черты отличія не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго изслѣдованія. За библейскимъ элементомъ остается глубина воззрѣнія, свѣжесть чувства, широкій взглядъ на человѣка и сочувственный на природу. Византійскій элементъ принесъ съ собою не глубокія идеи или поэтическое чувство, а исключительный, односторонній взглядъ на человѣка, и прозаическую холодность къ природѣ. Византійское вліяніе не поддерживало художественныхъ стремленій, не содѣйствовало литературному развитію народа, заставляя писателей чуждаться дѣйствительности и современности. Не находя умѣстнымъ теперь подтверждать мысль свою многими доказательствами, которыя представляются сами собою изучающему нашу и родственную намъ старину *sine ira et studio*, скажу только, что по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Кириллѣ Туровскомъ, вліяніе библейско-византійское выразилось преимущественно: въ сочувственномъ взглядѣ на природу и человѣка, въ символизмъ и аллегоризмъ, наконецъ въ литературныхъ пріемахъ вообще.

Символизмъ вытекаетъ изъ сочувственнаго взгляда на природу: между ви́шнимъ и внутреннимъ міромъ образуется таинственная связь, входящая въ представленія народа, независимая отъ чьего-либо личнаго произвола. Но къ живому представленію примѣшивается мало-по-малу произволъ, условное пониманіе и толкованіе. Здѣсь переходъ отъ символизма къ иносказанію, къ аллегорическому объясненію; въ послѣднемъ — полное торжество византійскаго элемента.

Сообразно съ указанными нами чертами библейско-византійскаго вліянія на Кирилла Туровскаго, а въ лицѣ его и на всю древнюю словесность, представимъ данныя: во первыхъ, вліянія библейскаго; во вторыхъ, византійскаго, какъ оно выразилось въ литературныхъ пріемахъ, въ символизмъ и въ аллегоризмъ. Въ каждомъ изъ отдѣловъ будемъ приводить и самыя замѣшательства. Сравненіе подражанія съ оригиналомъ тѣмъ необходимѣе, что Кириллъ Туровскій есть въ полномъ смыслѣ слова представитель византійскаго вліянія на нашу древнюю словесность, /и съ совершенною справедливостію можно сказать, что опредѣлить направленіе Кирилла Туровскаго значить опредѣлить направленіе, господствовавшее въ нашей литературѣ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій.

БИБЛЕЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

Библейское вліяніе обнаруживается во множествѣ текстовъ, приводимыхъ Кирилломъ Туровскимъ, но обнаруживается болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели внутреннимъ. Между словами Св. Писанія и словами и мыслями автора не всегда видна та живая связь, какая замѣтна, напримѣръ у Нестора. Библейскіе образы и выраженія не вытекаютъ свободно изъ религіознаго настроенія, а сопоставляются съ нѣкоторою искусственностью, отчасти наивною. Не всѣ тексты приводятся умѣстно; иногда они служатъ только для распространенія мысли, нисколько не содѣйствуя ея изобразительности и живости производимаго ею впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе тѣ мѣста у Кирилла Туровскаго, которыя, не состоя изъ подбора текстовъ, явились, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ библейскихъ образцовъ, хотя и не имѣютъ буквальнаго сходства съ ними. Таковы напримѣръ, жалобы страдальца, напрасно умоляющаго о помощи, картины ликующей природы, и т. п.

Кириллъ Туровскій говоритъ: «нынѣ горы и холмы точатъ сладость, удоія и поля плоды Богу приносятъ» (стр. 8). Въ псалмѣ LXIV, 13, 14: «Тучнѣютъ пустынные пажити, и холмы радостью препоясываются. Луга покрываются стадами, и поля (удоія) одѣваются пшеницею». — У Кирилла Туровскаго: «Тебѣ всю тварь на работу сотворилъ небо и земля тебѣ служатъ: небо — влагою, а земля — плодами. Для тебя солнце свѣтомъ и теплотою служить, и луна съ звѣздами ночь обѣяетъ. Для тебя облака дождемъ землю напояють, и земля всякую траву сѣменитую и деревья плодовитыя возвращаетъ. Для тебя рѣки приносятъ рыбъ, и пустыни питають звѣрей» (стр. 39). Въ псалмахъ такъ описывается созданное на службу человѣка. «Когда взираю на небеса твои, на луну и звѣзды, которыя ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что ты помнишь его?... Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ твоихъ, все положилъ къ ногамъ его, овецъ и воловъ всѣхъ, и дикихъ звѣрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, ходящихъ морскими путями (VIII, 4, 5, 7, 8, 9). Ты съ высотъ своихъ напояешь горы; плодами дѣлъ твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвести изъ земли хлѣбъ (CIII, 13, 14). Взираешь на землю, и орошаешь ее.... Напояешь борозды ея, равняешь

глыбы ея, дождевыми каплями размягчаешь ее, благословляешь ее произращать (LXIV, 10, 11), и т. п. Сходство съ приведенными мѣстами изъ Кирилла Туровскаго представляютъ нѣкоторыя мѣста въ «пчелахъ», откуда они переходили и въ другія произведенія. Такъ въ одномъ «словѣ о постѣ» читаемъ: «море, и озера, и рѣки, и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимою на возахъ; напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омынаютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь Творца своего. Также и огонь творить, повинуюсь Господу, служа людямъ.... Самъ говоритъ намъ въ пчелѣ: «почему, о человѣкъ, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ, и землю на водахъ основалъ; море наполни горстью, нескомъ оградилъ. Для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники. Для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ. Для тебя всякое дерево насадилъ, и траву произрастилъ. Для тебя огонь сотворилъ; пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боятся, и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣній моихъ. А ты, человѣкъ, не боишься и не трепещешь меня, не хранишь заповѣдей моихъ», и т. д.¹⁾

Кириллъ Туровскій влагаетъ въ уста «разслабленнаго» такую рѣчь: «Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего. Богу молюсь, и не слушаешь меня, ибо беззаконія мои покрыли голову мою. Врачамъ раздалъ все имѣнїе мое, но помощи получить не могъ: нѣтъ зелія, могущаго перемѣнить Божию казнь. Знакомые мои гнушаются меня, ближніе мои стыдятся меня, и я какъ чужой братьямъ моимъ. Всѣ клянутся мною, и утѣшающаго не нахожу.... Стеню со слезами, томимъ болѣзнію недуга моего, и никто не придетъ посѣтить меня; одинъ страдаю, невидимый никѣмъ» и т. д. Рѣчь эта, обращенная къ Господу, составлена подъ вліяніемъ Іова, отчасти евангелистовъ и особенно псалмовъ изъ коихъ одинъ, сто первый, и называется: «молитва страждущаго, когда онъ унываетъ, и предъ лицемъ Господнимъ изливаетъ печаль свою». Ср. «Братья мои отступили отъ меня, и друзья чуждаются меня. Покинули меня ближніе мои, и знающіе имя мое забыли меня. Гнушаются меня видящіе меня, и тѣ, кого любилъ, возстали на меня»

¹⁾ Православный Собесѣдникъ. 1858. Январь. Стр. 138 168

(Іова XIX, 13, 14, 19). Къ Спасителю прикоснулась женщина, «много претерпѣвшая отъ многихъ врачей, и истощившая все свое имѣніе, но никакой пользы неполучившая» (Марк. V, 26.—Лук. VIII, 43). «Нѣтъ здраваго мѣста въ тѣлѣ моемъ отъ гнѣва Твоего; нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣха моего. Ибо беззаконія мои покрыли голову мою; какъ тяжелое бремя тяготятъ меня. Искренніе мои и друзья мои, видя язву мою, отступили; вдали стоятъ ближніе мои» (псал. XXXVII, 4, 5, 12). «Всѣ видящіе меня ругаются мнѣ, расширяютъ уста, киваютъ головою» (псал. XXI, 8). «Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ, и незнакомымъ для сыновъ матери моей. Посрамленіе сокрушило сердце мое, я изнемогъ; жду состраданія, но нѣтъ его; утѣшителей, но не нахожу» (псал. LXVIII, 9, 21).

Многія поученія Кирилла Туровскаго состоятъ изъ пересказа евангельскаго повѣствованія, съ различными дополненіями и объясненіями. Тексты рѣдко приводятся съ точностью и опредѣлительностью. Обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одинъ, и связываются собственными словами автора. Многіе тексты приводятся въ сокращеніи, такъ что болѣе передается мысль библейскаго повѣствованія, а не слова его. Свидѣтельства библіи дополняются изъ другихъ источниковъ, частью же изъ самого Св. Писанія, но съ перерывомъ послѣдовательности библейскаго изложенія. Слова Св. Писанія весьма часто перемеживаются съ собственными словами автора, такъ что иногда цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій Св. Писанія, а между тѣмъ нѣтъ ни одного текста вполнѣ. Частое, почти безпрестанное употребленіе Кирилломъ Туровскимъ текстовъ или ихъ отрывковъ доказывать, съ одной стороны, начитанность автора въ Св. Писаніи, давнюю ему возможность съ большою легкостью выражать мысль словами, взятыми изъ нѣсколькихъ мѣстъ библіи, и искусно слятыми въ одно цѣлое. Съ другой стороны, привычка и желаніе говорить текстами препятствовали свободному выраженію мыслей автора, и придали слогу его искусственность, заслонившую элементъ народный. А только въ народномъ, непринужденномъ словѣ можетъ вполнѣ отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, возрѣніе народа.

Тексты, приводимые Кирилломъ Туровскимъ, сличены нами съ текстами списковъ, преимущественно древнѣйшихъ, Св. Писанія. Сличеніе предлагается на страницахъ самаго изданія. Мы не сличаемъ всѣхъ текстовъ безъ

исключенія: это невозможно уже по самой методѣ автора приводить тексты неточно и отрывками. Притомъ же мѣста, заимствованныя изъ Св. Писанія, указаны нами по лучшимъ спискамъ издаваемого автора, и въ такомъ количествѣ, что ими довольно ясно и положительно опредѣляется, какимъ образомъ Кириллъ Туровскій пользовался книгами Св. Писанія.

ВІЗАНТІЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

Писатели, выражающіе направленіе Византійской литературы. — Вліяніе ихъ на Кирилла Туровскаго. — Заимствования и сходство. — Литературные приемы.

Литературные приемы усвоены Кирилломъ Туровскимъ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицетворенія, словомъ вся риторическая сторона его сочиненій объясняется условіями византійскаго краснорѣчія. Въ числѣ представителей его здѣсь могутъ быть названы: Іоаннъ Златоустъ и его подражатели; Прокль Константинопольскій, Титъ Вострскій, Евлогіи Александрійскій, Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій, Симеонъ Логоветъ и другіе. Большая часть этихъ писателей такъ сходны между собою и по направленію, и по выбору предметовъ и образовъ, что многія черты, замѣчаемыя въ ихъ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ не ихъ личнаго взгляда и таланта, а общаго литературнаго обычая, рутины. Одинъ и тотъ же образъ, одно и тоже толкованіе, даже одни и тѣже выраженія встрѣчаются у нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что нѣтъ никакой возможности сказать, откуда именно заимствовалъ нашъ авторъ общія всѣмъ черты. Впрочемъ очевидно то, что онъ заимствовалъ не столько слова, сколько манеру вообще. Масса писателей, извѣстныхъ русскому книжнику XII вѣка, не должна казаться удивительною. Почти всѣ они принадлежать къ отцамъ церкви, творенія которыхъ переводились на славянскій языкъ въ глубокой древности. Притомъ, такъ какъ поученія ихъ писаны большею частью по одному и тому же поводу — преимущественно на праздники церковные, и располагались по порядку праздниковъ, то чтеніе «сборника» или «торжественника» могло уже достаточно ознакомить

произведениями византийских писателей. Примѣръ Кирилла Туровскаго указываетъ на подобный путь заимствованія, и служатъ однимъ изъ доказательствъ существованія такого рода сборниковъ въ XII столѣтіи, если не раньше.

I.

Изъ византийскихъ писателей, служившихъ образцами для Кирилла Туровскаго, ученые указываютъ преимущественно на Іоанна Златоуста. (354 — 407). Не разъ повторенное мнѣніе о связи словъ Кирилла Туровскаго съ поученіями Златоуста произошло, между прочимъ, отъ того, что въ рукописяхъ нѣкоторыя слова Кирилла Т. приписываются Златоусту. Но съ именемъ Златоуста соединялось у нашихъ книжниковъ понятіе, нѣсколько смутное, о писателѣ вообще, и они приписывали Златоусту, безъ строгаго выбора, сочиненія разныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и византийскихъ.

Издавая сочиненія Кирилла Туровскаго, Калайдовичъ называлъ его подражателемъ Златоуста, а Каченовскій готовъ былъ видѣть въ немъ переводчика или даже переписчика сочиненій Златоуста ¹⁾. Послѣдующіе ученые хотя и признавали между этими писателями сходство по духу и характеру ²⁾, но видѣли его только въ «любви къ слову Божию и спасенію другихъ», т. е. въ свойствахъ, принадлежащихъ всѣмъ благочестивымъ писателямъ безъ исключенія. Ближайшее отношеніе допускалось съ такими ограниченіями, что внутренняя, живая связь становится нѣсколько сомнительною. Находятъ, что слова Кирилла Туровскаго справедливо оставили за нимъ имя *русскаго* Златоуста, *по 12 вѣку*. По другому мнѣнію, современники и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть святителя туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы сочиненія его равнялись *по достоинству и характеру* съ твореніями древняго златословеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ вѣтцѣю и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ; но въ словахъ его «не до-

¹⁾ Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX. — Вѣстникъ Европы. 1822. № 1, стр. 54—57. № 2, стр. 133, стр. 55, прим. 1.

²⁾ Исторія Русской Словесности, преимущественно древней, Шестирева. 1846, выпускъ 2-й, стр. 225. — Исторія Русской Церкви. 1849. Періодъ первый, стр. 69.

стаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія»¹⁾).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пониманіе Златоуста, во всей полнотѣ его литературнаго и общественнаго значенія, было рѣшительно недоступно русскому писателю XII вѣка, даже даровитому и начятанному. Ему оставалось только усвоить черты общедоступныя и вишію форму. Но какъ форма тѣсно связана съ содержаніемъ, то и Кириллъ Туровскій формальною стороною своихъ словъ сблизается болѣе съ другими византійцами, а не съ Златоустомъ. У другихъ византійскихъ ораторовъ преобладаетъ аллегоризмъ, отчужденіе отъ современной имъ дѣйствительности, равнодушіе къ общественнымъ недугамъ Византіи. У Златоуста, даже въ словахъ гдѣ наиболѣе догматизма, слышится то сочувствіе къ нуждамъ общества, то участіе къ горькой долѣ пролетарія, которое заставило его сказать исполненныя глубокаго смысла слова: «Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ»²⁾).

Въ бесѣдѣ о вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ, І. Златоустъ и Кириллъ Туровскій основываются на томъ же самомъ повѣствованіи евангельскомъ, и объясняютъ его. Но въ тонѣ объясненій расходятся. Кириллъ Т. послѣ иносказательнаго толкованія, говоритъ, обращаясь къ слушателямъ: «изыдемъ любовію, подобно народамъ, во срѣтеніе ему; постелемъ, какъ ризы, наши добродѣтели; воскликнемъ молитвою и беззлобіемъ какъ младенцы; предъведемъ милостынями къ нищимъ; послѣдуемъ смиреніемъ и постомъ» (стр. 9), и т. д. Это обращеніе не поражаетъ прозаическою холодностію; оно довольно живо и одушевленно. Но ясно, что добродѣтели: любовь, милостыня, смиреніе и т. п. названы только для показанія соотвѣтствія съ предметами, о которыхъ говорится въ текстѣ. Подобныя наставленія могутъ относиться ко всѣмъ и каждому, и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что особенно могло бы подѣйствовать на русскихъ слушателей того вѣка или было бы вызвано ихъ бытомъ. У Златоуста же черты современнаго ему византійскаго быта ярко выступаютъ даже и тамъ, гдѣ, по самому предмету рѣчи, не было имъ простора. Іисусъ Христосъ, — говоритъ І. Златоустъ, — при входѣ въ Іерусалимъ, возсѣвъ на осла, исполнилъ пророчество Захарія,

¹⁾ Исторія Русской Церкви, Макарія, епископа вилницкаго, 1857 г. III, стр. 148 — 149 и 100

²⁾ Въ бесѣдѣ о второмъ пришествіи. Хр. Чт. 1843. Часть I, февр., стр. 235.

и въ тоже время прообразовалъ будущее — призваніе язычниковъ. Кромѣ того, по мнѣнію Златоуста, Іисусъ Христосъ имѣлъ цѣлью и представить образецъ простоты, показывая, что не на коняхъ, не на мулахъ надобно мчаться, но должно довольствоваться ослонъ, и не простираться далѣе необходимаго.... Христосъ садится на осленка, покрытаго одеждою апостоловъ, потому что апостолы все свое отдаютъ, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ: я съ удовольствіемъ буду издерживать свое, и истощать себя самаго за души ваши (2 кор. XII, 15). Будемъ и мы поступать также; будемъ подавать одежду тѣмъ, которые носятъ его, и пр. За тѣмъ слѣдуютъ увѣщанія о вспоможеніи бѣднымъ, показывающія въ авторѣ близкое знакомство съ вопиющими нуждами народа. По его мнѣнію, въ городѣ $\frac{1}{10}$ часть бѣдныхъ, а $\frac{1}{10}$ — пролетаріевъ, остальные $\frac{8}{10}$ — посредственнаго состоянія, и т. д.¹⁾.

Различіе воззрѣнія открывается всего яснѣе тогда, когда рѣчь идетъ или объ одномъ и томъ же предметѣ или о предметахъ близкихъ между собою. Удаленіе отъ свѣта, жизнь уединенная, иноческая имѣла высокое значеніе какъ для Златоуста, такъ и для Кирилла Туровскаго. Но послѣдній, говоря о ней, ограничивается иносказательными объясненіями ея атрибутовъ, и нѣсколькими совѣтами, обнаруживающими полное сочувствіе къ предмету, о которомъ говорить. Для инока, по понятію Кирилла Т., всѣ вещи необходимыя ему, весь окружающій его міръ исполненъ таинственнаго смысла. Стремленіе уразумѣть эту таинственность развилось подъ вліяніемъ аскетическихъ сочиненій Византійцевъ. Кирилл Т. смотритъ на призваніе монаха по отношенію къ первообразу, открываемому въ аллегорическихъ обѣтахъ, а не по отношенію къ быту дѣйствительному, съ его мелочами и неправдами, которому иноки должны бы служить безмолвнымъ обличеніемъ. Въ сказаніи объ иноческомъ чинѣ Кирилл Туровскій разъясняетъ аллегорическое значеніе монашеской одежды, и предлагаетъ наставленія въ родѣ слѣдующихъ: будь славенъ не одеждами свѣтлыми, а дѣлами добрыми; ты воленъ надъ собой только до церковныхъ дверей, подобно свѣчѣ, а тамъ покорись, что бы изъ тебя ни сдѣлали; подобно одеждѣ, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а тамъ терпи хотя бы и разорвали тебя на ошучья, и т. п.

Іоанна Златоустаго Бесѣды на евангелиста Матвея. Новый переводъ съ Гре
Москва. 1839 Ч. III. бесѣда 66.